

Ло Цинчжу благополучно развёлся, и Линь Синь-нян наконец смогла выдохнуть. Она вытерла слёзы в уголках глаз и тут же снова стала прежней - решительной и горячей. Громко рассмеявшись, она сказала:

— Мой Цинчжу развёлся - это хорошее дело! Надо отпраздновать! Сестра Ланьфан, завтра приходите всей семьёй ко мне есть! Я приготовлю хорошее мясо и хорошие блюда, угощу вас как следует! И мясник Сун тоже: сегодня ты немало помог! Ты тоже приходи!

Услышав слова Линь Синь-нян, Сун Цинфэн невольно посмотрел на Ло Цинчжу. Тот как раз опустил голову, аккуратно сложил письмо о разводе пополам и спрятал за пазуху, так и не подняв на него глаз. Сун Цинфэн не удержался от лёгкого разочарования и уже собирался отказаться, но не успел открыть рот, как снова услышал смущённый голос Линь Синь-нян.

— Эх, раз уж заговорили, есть ещё одно дело, с которым я хотела бы, хоть и нагло, попросить мясника Суна помочь... Письмо о разводе Чжу-гэра уже подписано, но завтра ещё надо идти в городское регистрационное отделение, чтобы разделить домохозяйства. Для этого Цинчжу и тот черепаший выродок должны пойти вместе, без одного из них никак. Но ты сегодня сам видел: Ци Шань и правда немного бешеный. Тётушка очень тревожится...

Линь Синь-нян ещё не договорила, но смысл уже был ясен. Видя, что Сун Цинфэн молчит, она поспешно добавила:

— Я знаю, это помешает тебе торговать! Я заплачу, только прошу - сопроводи моего Цинчжу!

Дело было не в том, что Линь Синь-нян не хотела сопровождать собственного сына. Просто Ци Шань всё-таки взрослый мужчина; если он совсем сойдёт с ума и перестанет себя сдерживать, Линь Синь-нян и правда не сможет с ним справиться. Но сегодня она увидела: мясник Сун дерётся очень хорошо! Даже трое-пятеро таких Ци Шаней ему нипочём!

Сун Цинфэн пришёл в себя, снова украдкой взглянул на Ло Цинчжу и торопливо ответил:

— Денег не надо! Такое пустяковое дело не стоит денег! Всё хорошо... Тогда... тогда я завтра рано утром приеду в деревню за тобой.

Он будто на одном дыхании выпалил всё это - торопливо, даже тревожно, словно спешил сильнее самой Линь Синь-нян. Последнюю фразу он говорил, глядя на Ло Цинчжу. Ло Цинчжу слегка улыбнулся ему и тоже сказал:

— Тогда придётся побеспокоить тебя.

Сун Цинфэн почесал затылок, уставился на него и сухо рассмеялся два раза. Хотел сказать что-нибудь приятное, но изо рта всё равно вышло лишь запинаящееся:

— Это не беспокойство... не беспокойство.

Сун Цинфэн почувствовал, что опозорился. Его смуглое лицо начало краснеть. Он потёр руки и снова сказал:

— То-тогда я сначала пойду.

Сказав это, он ушёл, оборачиваясь чуть ли не на каждом шагу. Под ноги не смотрел и едва не споткнулся о мелкий камень, сделав пару неловких шагов, прежде чем удержаться на ногах. От этого ему стало ещё более стыдно; задерживаться он уже не решился и попросту побежал. Вскоре его и след простыл.

Ло Цинчжу, глядя ему вслед, ещё два раза тихо рассмеялся, а вот Линь Синь-нян невольно нахмурилась. Этот мясник Сун был уж слишком хорош. И не зря Линь Синь-нян задумалась. Этот мужчина прежде тоже был из деревни Шанхэ, но характер у него был холодный, с деревенскими он почти не общался. Потом тихо, без лишних слов, перебрался в город, и жители лишь спустя долгое время заметили, что в деревне стало на одного человека меньше. Он совсем не походил на сердечного, мягкосердечного добряка, готового помогать другим. И раньше никто никогда не слышал, чтобы мясник Сун по доброте помогал кому-то.

В последние дни Линь Синь-нян думала только о своём сыне-гэре и переживала из-за его дел с Ци Шанем, так что на подобные вещи не обратила внимания. Теперь же, когда письмо о разводе было у них на руках, она понемногу пришла в себя и почувствовала... что-то здесь не так.

Подумав об этом, она похлопала Ло Цинчжу по руке и будто невзначай спросила:

— Цинчжу, я помню, в детстве ты вроде играл вместе с мясником Суном?

На лице Ло Цинчжу всё ещё держалась улыбка. Расставшись с Ци Шанем, он, как ни странно, не чувствовал особой боли; наоборот, ему стало легче, будто всё тело освободилось от тяжести. Услышав вопрос матери, Ло Цинчжу немного подумал и ответил:

— Он на несколько лет младше меня. Говорят, в детстве мы играли вместе, но всё-таки разница в возрасте была, так что по-настоящему вместе играть не получалось. Но...□□

На полуслове Ло Цинчжу склонил голову и с удивлением сказал:

— Помню, в детстве он был совсем невысоким, худеньким, маленьким, как сухая обезьянка. Как же он теперь вырос таким крепким, будто гора?!

Кто? Сун Цинфэн?? Как сухая обезьянка???

Ло Майэр тихонько ойкнула, даже Лю Гую удивлённо посмотрел на него. Увидев, что все уставились на него, Ло Цинчжу потрогал кончик носа и мягким тихим голосом сказал:

— В детстве он был худым и невысоким. Его часто задирали ровесники, я несколько раз видел это и пару раз помогал ему.

Линь Синь-нян кивнула и протяжно сказала:

— ...Вот оно как. Значит, он тоже человек, который помнит добро и ценит чувства.

Но, если уж говорить дальше, мяснику Суну уже двадцать, а он ещё не женился. В деревне мужчины в таком возрасте в большинстве своём уже и детей имели! Почему же он не торопится заводить жену?

Чем больше Линь Синь-нян думала, тем страннее ей казалось. Но всё-таки ей было неловко, глядя на молодого мужчину, сразу думать, будто ему нравится её Чжу-гэр. Это было бы немного бесстыдно с её стороны. Может, человек просто холоден с виду, но горяч сердцем, к тому же верен старой дружбе и благодарности!

Зато Лю Гуюй кое-что уловил и теперь, потирая подбородок, улыбался хитро и воровато, отчего Цинь Жунши несколько раз посмотрел на него.

Линь Синь-нян так ничего и не поняла, потому решила больше не думать. Она снова с улыбкой взяла Цуй Ланьфан за руку и сказала, чтобы завтра та непременно привела детей к ним на обед. От такой сердечной настойчивости отказаться было трудно. К тому же это и правда было большое радостное событие, достойное праздника, поэтому Цуй Ланьфан согласилась.

Поговорив ещё немного, все разошлись по домам.

Семья поужинала и уселась на кухне греться у огня и болтать. Цуй Ланьфан при свете огня шила одежду, а Цинь Жунши при том же свете читал книгу. Мать и сын использовали всё до последнего проблеска.

— Вы сегодня не видели, этот мужчина по фамилии Сун и правда силён! Один против двоих! Братья Ци Шань и Ци Шу даже ответить не могли!

Цуй Ланьфан сегодня редкостно разговорилась и пересказала всё, что случилось до возвращения Лю Гуюя и Цинь Жунши, особенно подробно описывая героические подвиги Сун Цинфэна. Лю Гуюй слушал так, будто ему рассказывали «Троекратное избиение Белого костяного духа»*, глаза у него сияли, и он ещё поддакивал со стороны: то «ого!», то «ух!», то «вау!», очень старательно поддерживая рассказ.

(ПП: знаменитый эпизод из романа «Путешествие на Запад»)

Дослушав, он сказал:

— Я по его фигуре сразу понял, что он сильный! Такой рост! Такие мышцы! Одним ударом быка убьёт!

Цинь Жунши счёл, что тот слишком шумит и мешает ему читать. Он недовольно поднял голову, посмотрел на Лю Гуюя и раздражённо сказал:

— Почему бы тебе тогда не сказать, что он одним ударом тигра убьёт?

Лю Гуюй выпучил глаза и тут же ответил:

— Ну это уже немного преувеличение.

Цинь Жунши спросил в ответ:

— А убить быка - не преувеличение?

Лю Гуюй вытаращил глаза ещё сильнее и сказал:

— Ладно, одним ударом человека убить может, так подойдёт?!

Цинь Жунши парировал:

— Тогда всё, если убьёт человека, влипнет в большое дело.

Лю Гуюй возмутился:

— Цинь-эрлан! Что с тобой сегодня такое? Всё мне наперекор говоришь!

Цинь Жунши ответил:

— Ты мешаешь мне читать.

Лю Гуюй недовольно фыркнул:

— Днём ты на шумном рынке книгу читаешь и не жалуешься! А теперь я, значит, мешаю?! Не знаю, конец ли Сун Цинфэну, но тебе точно конец! Завтра утром в твоей чашке с кунжутными таньюанями будет только три штуки!

Цинь Жунши с совершенно искренним лицом сказал:

— Тогда это и правда очень страшно.

...

Так они, слово за слово, и начали препираться. Но на самом деле никто из них не сердился, наоборот, эта перепалка была живой и забавной. Цинь Баньбань сидела рядом и украдкой прикрыла рот, чтобы не рассмеяться вслух. Цуй Ланьфан тоже улыбалась. Ей редко доводилось видеть во втором сыне такую юношескую живость. Обычно он был не по годам зрелым: ещё не полностью повзрослевшее лицо всегда оставалось напряжённым.

В доме стоял шум и смех. Пусть это была перебранка, но среди слов то и дело звучали лёгкие смешки - тепло, оживлённо и уютно.

На следующий день.

Хотя Линь Синь-нян пригласила их поесть, они всё-таки жили по соседству, и было неловко являться прямо к трапезе. Утром Лю Гуюй сварил кунжутные таньюани. Он помнил обиду и действительно положил Цинь Жунши только три штуки. А Цинь Жунши уже успел остыть: глядя на три таньюаня в чашке, он даже невольно чуть улыбнулся.

Семья позавтракала, потом распределила домашние дела: кто мыл посуду, кто подметал, кто поливал овощи. Когда всё было прибрано, они вместе вышли из дома. Едва выйдя за ворота, они встретили Ло Майэр с бамбуковой корзиной за спиной. Она собиралась идти на гору Сяолю копать бамбуковые побеги и, увидев Цинь Баньбань, тут же протянула к ней руку и радостно позвала:

— Баньбань! Я как раз иду на гору Сяолю, пойдёшь со мной?

Девочки почти одного возраста, конечно, любили играть вместе. Баньбань сразу захотелось. Она повернула голову и с надеждой посмотрела на Цуй Ланьфан.

Цуй Ланьфан улыбнулась, похлопала девочку по спине и сказала:

— Иди. Ах да, повяжи обмотки от змей!

Сейчас уже наступила зима, и на горе почти не было змей. Но Цуй Ланьфан всё ещё помнила, как в прошлый раз Лю Гуюя укусила змея. К счастью, змея оказалась неядовитой, но вспоминать всё равно было страшно. После этого долгое время она не разрешала ни Цинь Баньбань, ни Лю Гуюю снова ходить на гору Сяолю.

Позже Цинь Баньбань сама сшила из грубой марли обмотки от насекомых и змей: высушила змеегонное лекарство, зашила его внутрь и стала повязывать обмотки на штанины и рукава. И ведь, надо сказать, действовало это отлично! Не то что змеи - даже насекомые держались подальше.

Две девочки, взявшись за руки, убежали вдаль. Цуй Ланьфан смотрела им вслед и, всё ещё волнуясь, крикнула:

— Завяжите крепко! И в дороге будьте осторожны!

Обе девочки дружно ответили звонкими, приятными голосами.

Лю Гуюй и остальные тоже вошли во двор. Едва они переступили порог, как из кухни донёлся голос Линь Синь-нян:

— Пришли? Во дворе есть скамейки, садитесь как хотите! Я ещё два помело сорвала, они в плетёном подносе под навесом, почистите и ешьте!

Лю Гуюю и остальным, конечно, было неловко просто сидеть во дворе, есть помело и бездельничать, оставив Линь Синь-нян одну на кухне возиться с огнём и готовкой. Лю Гуюй и Цуй Ланьфан вошли на кухню помогать. Помело оставили Цинь Жунши: пусть почистит, а потом принесёт внутрь, чтобы все разделили.

В глиняном горшке тушился суп из старой курицы с каштанами. Аромат уже разошёлся по кухне, так и будоража аппетит. Линь Синь-нян мыла вяленое мясо, Цуй Ланьфан тоже повязала передник и помогала нарезать тофу. А вот Лю Гуюй, этот «знаток еды», не стал вмешиваться, а сел у очага подбрасывать дрова.

Нарезали тофу, затем принялись за вяленое мясо.

Прокопчённое вяленое мясо было темнее обычного. Его нарезали крупными ломтями, выложили на тарелку и оставили ждать зимних бамбуковых побегов, чтобы потом обжарить вместе. Ломти были нарезаны в меру, не слишком толсто и не слишком тонко; в них было и постное, и жирное. Жир блестел маслянисто и прозрачно, постное мясо было плотным, а жирная часть совсем не казалась приторной, только источала солёный, аппетитный аромат.

Цуй Ланьфан даже похвалила:

— Это вяленое мясо на вид и правда хорошее. В этом году жить стало полегче, перед Новым годом я тоже закопчу немного вяленого мяса и колбас. Дома уже много лет такого не делали!

Линь Синь-нян улыбнулась:

— Конечно, надо сделать! На новогоднем столе тоже будет хорошее блюдо!

Две женщины разговаривали и смеялись, вместе готовя еду. Две семьи, да ещё Сун Цинфэн - всего восемь человек за столом, так что еды должно было быть много! Линь Синь-нян подготовила всё с запасом: куриный суп с каштанами, бамбуковые побеги с вяленным мясом, а в огороде как раз подросли верхушки гороха - можно сорвать и сварить суп с мясными шариками. Ещё можно сделать паровое яйцо, полить сверху соусом из мясного фарша - тоже будет очень ароматно!

Мясных блюд было немало, но без овощей тоже нельзя. Можно сделать кукурузные лепёшки, пожарить тофу и напоследок быстро обжарить шпинат. Линь Синь-нян загибала пальцы, всё боялась, что блюд не хватит и гостей примут недостаточно хорошо.

Но там уже были и курица, и мясо, и яйца, сразу несколько мясных блюд! В деревенских семьях за целый год редко ели так богато; если уж говорить начистоту, такой стол был щедрее, чем новогодний ужин во многих домах. Почти всё уже было приготовлено, не хватало только бамбуковых побегов с вяленным мясом - для них ждали побеги, которые должны были принести Майэр и Баньбань. Зато Ло Цинчжу и Сун Цинфэн вернулись домой первыми.

Увидев, что они вошли, несколько человек в доме сразу спросили:

— Ну как? Всё уладили?

Ло Цинчжу ещё не успел ответить, а все уже увидели его спокойное, облегчённое выражение лица и поняли: это дело наконец завершилось.

Через мгновение Ло Цинчжу действительно кивнул. Линь Синь-нян от волнения едва не расплакалась, но Цуй Ланьфан поспешно её остановила:

— Это хорошее дело! Хорошее! Впереди теперь будут хорошие дни, в такой момент плакать нельзя!

Линь Синь-нян тоже несколько раз кивнула и следом сказала:

— Да-да-да, это хорошее дело! Хорошее!

Пока все радовались, Майэр и Баньбань тоже вернулись, держась за руки. Они ещё не успели войти в дом, а снаружи уже донёсся их смех: обе болтали и смеялись, явно были очень довольны.

Можно сказать, они вернулись с богатой добычей. За спиной несли целую корзину бамбуковых побегов, а в руках ещё корзинку с мелкой рыбой и крабами.

— Мы с Баньбань на горе Сяюлю встретили Чэнь Саньси! Это он наловил рыбы и крабов. Он такой щедрый: сказал Баньбань, что хочет обменять рыбу и крабов на зимние бамбуковые побеги, вот мы и обменяли целую корзинку!

Линь Синь-нян тоже улыбнулась и радостно сказала:

— Хорошо! Обваляем в крахмале и обжарим в масле, будет ещё одно блюдо!

Очень скоро последние два блюда тоже были готовы, и вся большая компания села за стол. Жаровня горела ярко, и все уселись поближе к огню, чтобы урвать немного тепла. Куриный суп с каштанами подали прямо в глиняном горшке. От него ещё поднимался белый пар; золотистый бульон весело кипел, по поверхности плавали масляные звёздочки, каштаны были сладкими и ароматными, а куриное мясо протушилось до мягкости.

Рядом стояла большая тарелка кукурузных лепёшек: золотистые, подрумяненные до хрустящей корочки, они источали такой аромат кукурузы, что ничуть не уступали мясу.

Последние блюда тоже одно за другим поставили на стол. Линь Синь-нян сняла передник, села, взяла палочки и стала звать:

— Ешьте скорее! Мясник Сун, ты уж точно не стесняйся, считай, что у себя дома! Ешь как следует, досыта!

Неизвестно, что в этих словах было не так, но уши Сун Цинфэна вдруг слегка покраснели. Он всё так же не смел смотреть на Ло Цинчжу, только глухо, почти деревянно кивнул и несколько раз сказал:

— Да... да.

Майэр угощала свою маленькую подругу. Две девочки сидели рядом: одна клала другой палочками кусочек курицы, другая в ответ - ломтик вяленого мяса. Держались они так тепло, будто были родными сёстрами.

За окном ветер всё не унимался, оконная бумага под его порывами беспрестанно шуршала и дрожала. Видно было, что стало ещё холоднее. Но в доме было тепло. Жаровня горела ярко, и на лицах каждого отражался румяный огненный свет.

И на всех лицах была радость.□